

В семь пятнадцать пятого мая хорошо одетый мужчина около сорока лет медленно шел по совершенно обычной улице Прайвет-драйв. Повернув на дорожку, ведущую к дому с презрительным названием "номер четыре", он остановился. Поскольку на самом деле он был Гарри Джеймсом Поттером, охранные системы, установленные Дамблдором для предотвращения вмешательства волшебников в его план по "насилованной индоктринации", не могли вызвать у него тревогу. Обследовав здание, он заметил то, что и ожидал. Маленький Гарри сидел в шкафу, тихо всхлипывая от очередного избиения и отчаянно желая, чтобы давно потерянный родственник пришел и забрал его от постоянных мучений, которыми была его жизнь. Мерлин выбрал именно этот момент, потому что чуть меньше чем через два месяца, на его пятом дне рождения, должен был прибыть Дамблдор, чтобы заблокировать восемьдесят процентов его магии, сделав его более послушным. Если сегодня всё пойдет так, как он задумал, этого никогда не произойдет, и ему не потребуется долгие тридцать лет, чтобы достичь того уровня, на котором он должен был находиться с самого начала. Он нажал на колокольчик. Петуния Дурсли была, как сказал один из её менее милосердных соседей, отвратительным существом. Она проводила дни, подслушивая и влезая в дела, которые её не касались. Баловала своего сына, а с другим мальчиком... тем, которого она громко называла "уродом"... обращалась как с животным. Нет, жители Прайвет-драйв не испытывали любви к Петунии Дурсли. Мужчина на пороге показался ей смутно знакомым, но дорогой костюм, в который он был одет, полностью её удовлетворил. Она распахнула дверь пошире, чтобы выпустить его, и незаметно повернула голову, чтобы проверить, не наблюдают ли соседи. Гарри сделал незаметный жест, и дом окутали глушащие чары. — "Чем могу помочь, мистер..." — "Поттер". Гарри ухмыльнулся в ответ, его изумрудно-зеленые глаза почти светились в подъезде. — "Гарри Поттер!" Её глаза расширились, когда она поняла, что он говорит правду. — "Здравствуйте, тетя Петуния". Её крик застрял в горле, не дойдя до уст. Гарри дернул пальцем, и все трое Дурслей оказались обездвиженными. Вернон все еще сидел за столом, набивая рот, а маленький Дадли смотрел что-то бессмысленное по телевизору. Улыбаясь от удовлетворения, Гарри обратился к шкафу под лестницей. Распахнув дверцу, он увидел, что на него смотрит испуганный и покрытый синяками Гарри. — "Привет, Гарри", — поприветствовал он своего младшего собеседника. — "Привет". Застенчивый ребенок ответил на его приветствие. Он опустился на колени перед открытым шкафом. — "Я знаю, что ты мечтал о родственнике, который забрал бы тебя отсюда. Не хочешь пойти со мной?" — "Серьезно?" — "На самом деле". Ответ Гарри был неожиданным и эмоциональным. Маленький мальчик бросился в объятия своего старшего "я", дрожа от волнения, когда сильные руки обняли его впервые за всё время, что он помнил. Фоукс, замечая происходящее, влетел в комнату в ответ на неслышный призыв. Его первый союзник, заявлявший о себе как о Мерлине, сообщил ему в прошлом/будущем, что будет нужен для объединения, и вот он здесь, чтобы способствовать этому неслыханному событию. Он знал, что только фениксы могут встретиться с самими собой во времени, но вот мальчик и его будущее "я" были заключены в любящих объятиях. Зная свой долг, блестящая ало-золотая птица пролетела над ними и села на плечо старшего Гарри. Гарри попросил её подождать немного, пока объяснит, что должно произойти. Как только мальчик понял, Фоукс протянул коготь и аккуратно оцарапал сначала мужскую ладонь, затем мальчишескую руку и наконец свою собственную ногу. Старший Гарри взял руку младшего Гарри и обхватил их обоих когтем феникса. Их кровь смешалась, и с всплеском магии мужчина исчез. На его месте стоял маленький мальчик с древней душой. Магический импульс распространился по всей стране, заставив волшебников и ведьм по всей Британии проливать чай или ронять вилки, а в кабинете директора школы Хогвартс несколько серебряных безделушек на полках и в разнообразных уголках расплавились, взорвались или просто перестали работать. В Большом зале все присутствующие за ужином почувствовали пульсацию, и Дамблдор немедленно встал, чтобы разобраться в ситуации. Гарри крепко обнял Фоукса, а затем отпустил феникса. — "Спасибо, Фоукс". С трелью Фоукс взмыл обратно в Хогвартс. — "Теперь о вас", — произнес мальчик и повернулся к своим несчастным родственникам. Фоукс, прибыв в Хогвартс в своей

обычной вспышке пламени, посмотрел на дымящиеся остатки маленьких вещиц, которыми был усеян кабинет Дамблдора, хмыкнул и устроился на своем насесте, чтобы поспать. Гарри сделал жест, и рваная и потрепанная одежда на нём превратилась в хорошо скроенную рубашку и джинсы. Изношенные кроссовки, которые он так тщательно заклеивал, стали как новенькие. Одевшись, он собрал тётю и дядю на кухне. Дадли он отправил спать на своё место, так как четырехлетнему ребенку незачем было слышать, как кто-то ругает его родителей. Устроившись в кресле, он щелкнул пальцем, и на столе появился изящный фарфоровый чайный сервиз. Петунии хотелось закричать от неестественности колдовства, и одновременно у неё потекли слюнки при виде красивого и ужасно дорогого чайного сервиза. Гарри налил чашку чая. — "Когда я умер, мне только что исполнилась тысяча лет. На самом деле это был мой день рождения. Тридцать первое июля 1980 года. Я погиб при взрыве антиматерии. Как, спросите вы, я прожил тысячу лет? Это отдельная история. Видите ли, когда я убил Волдеморта... навсегда, в 1998 году, вся магия, которую он впитал от убитых им людей, покинула его, и поскольку я был ближайшим магическим существом, мне внезапно достался весь запас. Теперь, когда срок жизни волшебника составляет примерно сто пятьдесят-двести лет, я мог бы, теоретически, прожить ещё восемь или десять тысяч лет... или даже больше. Но у меня не было ни малейшего желания этого делать, особенно учитывая, что моя жена Гермиона умерла ещё в 2116 году. С моей точки зрения, это было около восьмисот шестидесяти лет назад. Честно говоря, бессмертие — это одиночество. Я покинул Землю, но подвергся нападению людей, которые хотели оставить меня там в качестве трофея. Я отказался, и они открыли по мне огонь. В конце концов они пробили мои щиты, и чтобы не позволить им вернуть меня в тюрьму, я включил самоуничтожение. Затем произошёл взрыв. В результате я оказался в месте... оно было нексусом, если хотите, где должна была решиться моя судьба. Поскольку мне пришлось вынести столько ужасного в своей жизни — сначала от ваших рук, затем от рук Дамблдора, — мне был предложен выбор: остаться с женой, родителями и друзьями или вернуться в прошлое и попытаться все исправить. Глупо с моей стороны, но я решил вернуться и изменить ход истории. — Это подводит меня к вам, — сказал Гарри, прервавшись на мгновение и бросив взгляд на тетю. Он отпил чаю и взял себя в руки. — Знаешь, первые пятьдесят лет или около того я придумывал всякие изощренные наказания, которые хотел бы тебе устроить. Поверь, мы с Гермионой придумали целую кучу пыток, по сравнению с которыми средневековые покажется просто детской забавой! Все, начиная от расстрела на глазах у публики и заканчивая вивисекцией. К сожалению, после войны вы исчезли с лица земли, и у меня не было возможности найти вас. Можете поблагодарить за это Дамблдора. Полагаю, он думал, что я собираюсь отомстить вам... за годы ненависти, пренебрежения, издевательств и жестокости, которые вы проявили ко мне. Возможно, он был прав, но позже я понял, что вы мертвы... либо от старости, либо ваш фанатизм надоел кому-то, и этот кто-то вас убил. С тех пор у меня было более девятисот лет, чтобы переосмыслить свою позицию. Теперь вот что я собираюсь сделать. Для вас с Верноном я обеспечу хороший уход до конца вашей естественной жизни. Что касается Дадли, я верну его к тому возрасту, когда он еще не был избалованным сорванцом, и позабочусь о его правильном воспитании.